

Юлия Беринг

ИГРУШКА ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.

ТЫ ОБВИНИЛ МЕНЯ
В СМЕРТИ СВОЕГО ПАЦИЕНТА!

Юлия Беринг
Игрушка жестокого
наследника. Ты обвинил меня
в смерти своего пациента!

<https://litres.ru/74683569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я спасла пациента, заметив диагноз, который пропустил сам Артём Воронин — жестокий сын ректора нашей медицинской академии.

Но вместо благодарности меня обвинили в подлоге анализов!
— Хочешь остаться в медицине? Тогда будешь работать на меня. А вся слава достанется мне!

Он присваивал мои диагнозы, шантажировал отчислением и заставлял молчать.

А потом пациент умер.

И Артём попытался сделать виновной меня!

Но настоящая правда оказалась страшнее.

Его отец проводил незаконные медицинские эксперименты.
Моя мать, которую я считала погибшей, оказалась жива!

Теперь мне предстоит уничтожить империю Ворониных.

И решить, можно ли полюбить мужчину, который сначала разрушил мою жизнь, а потом предал собственную семью ради меня.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Беринг Игрушка жестокого наследника. Ты обвинил меня в смерти своего пациента!

Глава 1

Воздух в приемном покое пах антисептиком, дешевым кофе и чьим-то страхом. Меня тошнило от этой смеси, но руки дрожали не от отвращения — от адреналина. Я была здесь всего три недели. Нашу студенческую программу клинической практики называли «Резидентура» — громко, престижно и без права самостоятельно лечить. Все решения должны были утверждать врачи смены; фамилия Воронин почему-то позволяла забывать об этом. Студентка-бюджетница Вера Ковалёва, девочка с очками на носу и пустым кошельком, которая считала каждую копейку до стипендии. А сейчас передо мной лежал парень лет двадцати пяти, скрюченный на кушетке так, будто его пытались сложить пополам.

— Стандартный аппендицит, — бросил кто-то из толпы

студентов за моей спиной. Голос был ленивым, уверенным. Они уже доставали телефоны, готовясь снять «героя дня». Для них это было развлечение. Для меня — экзамен, который я не имела права провалить.

Я игнорировала гул голосов. Сфокусировалась только на пальцах. Живот пациента был твердым как камень, но боль локализовалась не там, где учили в учебниках. Левое подреберье. Там, под ребрами, пульсировало что-то неправильное. Не воспаление червеобразного отростка. Что-то глубже. Что-то опаснее.

— Очки запотели, детка? Ты ничего не видишь.

Голос Полины Морозовой звучал сладко, как яд в шоколадной конфете. Она стояла чуть в стороне, облокотившись о стойку медсестры, и крутила на пальце золотое кольцо. Дочь декана факультета, для которой все лучшие места в клинике были зарезервированы ещё до начала семестра.

— Отстань, — процедила я сквозь зубы, не поднимая глаз от тела пациента.

Полина хмыкнула, но не ушла. Она ждала моего провала. Все ждали. Им нужен был повод сказать: «Ага, бюджетники всегда тупые».

Парень на кушетке вскрикнул. Тихо, сдавленно, но этот звук пробрался мне под кожу. Его кожа стала серой. Пульс на сонной артерии бился часто и мелко, почти исчезая.

— Срочно! Шовный материал, номер два, и катетер! — мой голос сорвался на визг, но приказ вышел четким. Мед-

сестра вздрогнула и послушалась.

И тут мир вокруг рухнул. Парень потерял сознание. Голова безвольно упала назад, глаза закатились. Тишина в палате стала оглушительной. Это не аппендицит. Это разрыв селезенки при скрытой травме. Если мы будем ждать врача, который должен прийти через десять минут, он умрет. Протокол требовал ожидания старшего смены. Но протокол не учитывал того, что кровь уже заполняла брюшную полость.

Я схватила скальпель. Мои руки перестали дрожать. Логика вытеснила страх. Я начала подготовку операционного поля, нарушая все мыслимые правила безопасности для студентки на первой практике.

Дверь распахнулась с таким грохотом, что с петель слетела заглушка.

Артем Воронин. Капитан хирургического флота этого учебного заведения. Сын ректора. Человек, которого боялись даже преподаватели. Он ворвался внутрь, словно штормовой ветер, запах дорогих духов перебил антисептик.

— Что ты делаешь?! — его голос был холодным, режущим.

Он не спрашивал. Он констатировал факт преступности. Артем физически оттеснил меня, впечатав плечом в стену. Мне показалось, что мои кости хрустнули. Он вырвал у меня инструменты, швырнув их в лоток со звяканьем металла о металл.

— Халатность, — произнес он, глядя на меня сверху вниз.

В его глазах не было ярости. Было презрение. Глубокое, бесконечное презрение к тому, кто посмел думать самостоятельно. — Ты могла убить его своим дилетантским подходом, Ковалёва. У тебя нет лицензии. У тебя нет права.

— Он бы умер, если бы мы ждали, — прошептала я, чувствуя, как горят щеки от унижения. Толпа студентов замерла, наблюдая за казнью.

Артем склонился над пациентом, быстро проверил рефлексы, осмотрел живот. Его лицо оставалось непроницаемой маской. Он видел то же самое, что и я: признаки внутреннего кровотечения, которое ещё можно было остановить. Катетер уже стоял, медсестра подключила инфузию; я не дала ей оставить пациента ждать в общей очереди. Но он не моргнул. Не смягчился.

Дежурный хирург наконец вбежал в палату. Я успела назвать ему локализацию боли и падение давления, прежде чем Артем заслонил меня. Пациента сразу повезли в операционную; старший ушёл с ним. Артем выпрямился и повернулся к записям на планшете.

— Анализ крови. Уровень гемоглобина занижен искусственно. Подлог, — заявил он громко, чтобы слышали все. — Чтобы создать себе репутацию гения среди толпы баранов. Ты подделала данные, Вера.

Это была ложь. Чистая, циничная ложь. Я никогда бы не тронула бланки анализов. Но слово Артема Воронина весило больше, чем сто таких, как я.

Когда меня вызвали из коридора, ноги ещё помнили гул толпы. Палата опустела: пациента увезли, студенты разошлись, и за мной пришла медсестра с коротким «вас ждут» — вести в кабинет декана.

Кабинет декана был обставлен с той стерильной роскошью, которая раздражала меня больше всего. Тяжелые портьеры, кожаный диван, запах дорогого табака. Полина сидела в углу, листая журнал с видом королевы, ожидающей просителей.

— Объясни мне эту цифру, Вера, — декан не смотрел на меня. Он смотрел в окно, на серый город.

— Пациент поступил с признаками внутреннего кровотечения. Диагноз был неверным изначально. Я действовала исходя из клинической картины...

— Клиническая картина не оправдывает нарушение протокола и фальсификацию лабораторных данных, — перебил он. Его голос был мягким, как бархат, и жестким, как гранит. — Артем предоставил отчет. Полина подтвердила несоответствия в журнале учета.

Я открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Доказательств у меня не было. Слово декана было законом. Слово Полины было истиной. Слово Артема было приговором.

— У тебя есть выбор, — сказал декан, наконец поворачиваясь ко мне. За его очками светился холодный расчет. — Либо ты подписываешь заявление об уходе по собственному

желанию, признавая ошибку в диагностике и манипуляции с документами. Стипендия аннулируется немедленно. Твоя семья получит уведомление о том, почему их дочь не сможет учиться дальше. Или...

Он сделал паузу, наслаждаясь моим ужасом.

— ...мы оформляем исключение за академическую нечестность. Позор на всю жизнь. Черная метка в личном деле. Никто в медицине не возьмет тебя на работу с такой формулировкой.

Я молчала. Внутри всё кричало, требуя справедливости, правды, помощи. Но снаружи я была статуей. Я понимала, что система переварила меня целиком и полностью. Моя компетентность была не нужна. Нужна была моя покорность.

— Я подумаю, — сказала я тихо.

— У тебя есть ночь, — отрезал декан.

Глава 2

Коридор академии встретил меня эхом шагов. Свет ламп мигал, создавая стробоскопический эффект, от которого болели глаза. Я шла к выходу, чувствуя себя выжатой губкой. Каждый шаг отдавался болью в висках. Я проиграла. Не потому что была слабой, а потому что играла по правилам тех, кто держал мяч.

У выхода я остановилась, чтобы снять очки и протереть запотевшие линзы. Мир расплылся в размытые пятна. И тогда я увидела его силуэт.

Артем стоял у колонны, прислонившись спиной к холодному камню. Он курил, хотя курить в здании строго запрещалось. Дым клубился вокруг него, как туман над болотом. Он не выглядел победителем. Скорее — уставшим хищником, который слишком долго бегал за добычей.

Я хотела пройти мимо. Просто уйти домой, упасть на кровать и забыть, что когда-либо существовала медицина.

— Вера.

Его голос был тише, чем в палате. Без металла, без яда. Просто констатация имени.

Я обернулась. Артем подошел ближе. Он был выше меня на голову, и его тень накрыла меня целиком. Я инстинктивно сделала шаг назад, ударившись спиной о стену.

— Ты знаешь, что я соврал, — это не был вопрос.

— Ты знал, что я спасла ему жизнь, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И ты использовал это против меня. Зачем? Чтобы показать свою власть?

Артем посмотрел на меня внимательно. В его темных глазах плескалась странная смесь восхищения и разочарования.

— Я поставил первоначальный диагноз, — сказал он вдруг. — Аппендицит. Стандартная ошибка для дежурного врача, который спешит домой. Я мог бы признать это. Мог бы сказать, что ты исправила мою оплошность. Но я не мог позволить себе слабость перед комиссией. И не мог позволить себе признать, что ты сильнее меня в момент кризиса.

Он достал из кармана телефон. Экран светился в полумраке коридора.

— Это тест, Вера. Не на профессионализм. На прочность. Ты прошла его. Но цена теста — твоя репутация.

Я чувствовала, как меня начинает трясти от злости и бессилия.

— И что теперь? Ты будешь смотреть, как я уйду?

Артем протянул руку и положил свой телефон мне в ладонь. Палец случайно коснулся моей кожи, горячий, сухой, электрический. Я отдернула руку, но он перехватил мои пальцы, не давая выбросить аппарат.

— Если хочешь вернуть своё имя, завтра в шесть утра будь здесь. У входа в операционный блок.

— Зачем? — спросила я, недоверчиво шурясь.

— Потому что я ошибся в диагнозе того пациента. И един-

ственное место, где я могу это исправить, не разрушив карьеру отца и свою собственную, — это твой мозг. Твой дар видеть то, что пропускают другие.

Свет в коридоре мигнул и погас на секунду, оставляя нас в полной темноте. Только экран телефона в моей руке давал тусклый голубой отблеск на его лице.

— Иначе я добьюсь приказа об отчислении до обеда. Выбирай, Вера. Свобода или сделка с дьяволом.

Когда свет включился снова, Артем уже развернулся и шел прочь, растворяясь в тени длинного коридора. Я осталась стоять у стены, сжимая в руке чужой телефон, тяжелый и горячий, как живое сердце.

На встречу в шесть утра я не пошла. Провалилась полночи без сна, сжимая чужой телефон и надеясь, что вся эта сделка растворится сама собой. А к следующей смене в клинике пришлось явиться как ни в чём не бывало.

Воздух в раздевалке пах дезодорантом, старой резиной и чьим-то отчаянием. Я сунула руки в карманы халата, пытаюсь унять мелкую дрожь в пальцах. Дежурство закончилось двенадцать часов назад, но я всё ещё чувствовала запах крови на своей коже — или мне только казалось?

Мой шкафчик №14 стоял посреди ряда таких же железных коробок. Но вместо привычной серебристой дверцы там красовалась белая полоса малярного скотча. На ней маркером, крупными, размашистыми буквами было выведено: «ХАЛТУРЩИЦА».

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось так, что, казалось, сотрясает грудную клетку. Вокруг мелькали силуэты однокурсников. Кто-то хихикнул. Кто-то демонстративно отвернулся, делая вид, что не замечает этого цирка. Полина прошла мимо меня, даже не взглянув. Её глаза были опущены, губы сжаты в тонкую линию. Она знала. Она ждала этой реакции.

Я подошла ближе. Скотч был приклеен небрежно, с торчащими краями. Ещё вчера внутри шкафа лежали мои вещи: учебники по анатомии, старый рюкзак, фотография мамы. Всё то, что составляло мою жизнь последние два года.

Схватить скотч зубами? Нет. Это было бы слишком театрально, слишком «бедная девочка». Я взяла его двумя пальцами за угол. Лента сопротивлялась, впиваясь в кожу подушечек. Я дёрнула. Резкий звук отрыва прозвучал как выстрел в тишине коридора.

— Ого, — протянул кто-то из парней. — Боевой настрой.

Я игнорировала их. Срывала ленту слой за слоем, пока не остался голый металл. Дверца скрипнула, открываясь. Внутри было пусто. Абсолютно, звеняще пусто. Ни учебников, ни рюкзака. Только запах пластика и моя собственная ярость, которая начала подниматься волной от желудка к горлу.

Они забрали всё. Не просто отняли право на обучение — они украли моё прошлое.

Я закрыла шкафчик. Щелчок замка прозвучал глухо. Подняв голову, я встретила взглядом с Артемом. Он стоял у

дальней стены, прислонившись спиной к холодному металлу. Руки в карманах куртки, взгляд прямой, колющий. Он не улыбался. Не презирал. Просто наблюдал, как я разбираюсь с последствиями своего первого шага в ад.

«Он знал», — поняла я. «Это он распорядился.»

Я развернулась и пошла к аудитории. Спина горела от чужих взглядов, но я выпрямила плечи так, что хрустнули позвонки. Шаг за шагом. Голова высоко. Если они хотят увидеть сломанную игрушку, они её не получат.

Когда я выходила из раздевалки, спина ещё горела. Я шла через весь корпус, подбородок приподнят, и к третьему этажу сумела собрать лицо в ровную, ничего не выражающую маску.

Аудитория 305 гудела, как растревоженный улей. Воздух спёртый, пахучий спиртом для вскрытия и дешёвым кофе из автомата. Мы рассаживались на практическом занятии по топографической анатомии. Обычно мы работали в группах по четыре человека, разбирая трупный материал или макеты органов.

Но сегодня староста группы, Лера, лучшая подруга Полины, поднялась на кафедру. У неё было лицо ангела и глаза змеи.

— Внимание, — её голос звенел, перекрывая шум. — Дисциплинарный комитет временно ограничил доступ Веры Ковалёвой к групповым заданиям до выяснения обстоятельств инцидента на дежурстве.

Тишина упала мгновенная, плотная. Сто человек одновременно повернули головы в мою сторону. Я сидела на задней парте, в тени. Чувствовала себя прокажённой.

— Что это значит? — спросила одна из первокурсниц, явно удивлённая.

— Это значит, что Вера будет работать отдельно, — Лера указала пальцем на дальний угол аудитории. Там стоял одинокий, шаткий стул без парты. Рядом с ним лежал единственный учебник и стопка тетрадей. — Чтобы не мешать остальным своим... сомнительным подходом.

Полина сидела во втором ряду, идеально ровная спинка, косичка забрана назад. Она не обернулась. Ей не нужно было смотреть на меня. Она уже победила.

Я встала. Ногти впились в ладони до боли. Страх липкой плёнкой облепил сердце. «Не плакать. Не показывать слабость. Они кормятся этим.»

Я прошла через весь зал. Каждый шаг отдавался эхом в барабанных перепонках. Кто-то фыркнул. Кто-то зашептался. Когда я добралась до угла, стул качнулся под моей рукой. Я села. Холодно. Жёстко. Отдельно.

Из окна тянуло сквозняком. Я натянула рукава халата на запястья, пряча руки. Внутри всё кричало: «Унижение! Публичное избиение!» Но снаружи я была статуей. Безразличие — мой щит.

Через пять минут после начала занятия рядом со мной выросла тень. Полина. Она наклонилась, чтобы никто не слы-

шал, кроме меня. Её духи пахли дорогими цветами и ядом.

— Вера, — прошептала она, и в этом шёпоте была слащавая нотка жалости. — Мне правда жаль, что так получилось. Ты могла бы избежать этого.

Я подняла глаза. Её ресницы были длинными, накладными. Кожа была идеальной, фарфоровой.

— Избежать чего? Твоего предательства? — мой голос дрогнул, но я заставила его звучать ровно.

Полина усмехнулась уголками губ.

— Избежать исключения. Комиссия готова закрыть глаза на твою ошибку в диагностике пациента, если ты публично признаешь свою некомпетентность перед группой. Скажешь, что спешила, что нарушила протокол, что ты... не готова. Это сохранит тебе место в потоке. И стипендию.

Ловушка. Идеальная, блестящая ловушка. Признание вины станет доказательством халатности для ректората. А отказ означает полную изоляцию и возможное отчисление через месяц.

Я посмотрела ей прямо в глаза. В эти красивые, пустые озёра.

— Я не ошиблась, — сказала я тихо, но каждое слово было гвоздём, вбитым в крышку её гроба. — Ты хочешь, чтобы я соврала себе самой ради твоего спокойствия? Нет.

Полина замерла. На долю секунды маска дружелюбия треснула, обнажив холодную, расчетливую жестокость.

— Как хочешь, — произнесла она, выпрямляясь. Голос

снова стал мягким, почти материнским. — Но время уходит, Вера.

Она ушла, оставив меня одну в углу. Я сжала карандаш так сильно, что он хрустнул и раскололся пополам. Графитовый порошок осыпался на тетрадь, как пепел.

Глава 3

Лекция по хирургической тактике шла своим чередом. Профессор монотонно бубнил про стадии воспаления, но аудитория слушала вполуха. Все ждали Артема.

Когда он вошёл, температура в комнате будто упала на несколько градусов. Он не сел. Ходил между рядами, как хищник в клетке. Его светлые волосы были собраны в небрежный узел, очки съезжали на нос. Взгляд метался, цепляя каждого студента.

— Случай из практики, — сказал он, останавливаясь напротив третьего ряда. — Пациент 45 лет. Боли в животе. КТ показывает свободную жидкость. Анализ крови нормальный. Диагноз?

Тишина. Кто-то робко предложил аппендицит. Артем поморщился.

— Перфорация язвы? — попытался другой.

— Слишком банально, — отрезал он.

Его глаза скользнули дальше, по рядам, и остановились на мне. В углу. На отдельном стуле. Сердце ушло в пятки. «Нет. Пожалуйста, нет.»

— Вера, — произнёс он. Громко. Чётко. Так, чтобы слышали все сто человек.

Я вздрогнула. Подняла голову.

— Ты была на дежурстве, когда этот пациент поступил.

Ты видела его первым. Что бы ты сделала?

Аудитория затихла. Даже мухи замолчали. Все смотрели на меня. Ожидание было физически ощутимым, тяжёлым грузом на плечах. Знал ли Артем ответ? Или он хотел, чтобы я опозорилась?

Губы пересохли. Я сглотнула, чувствуя вкус железа. Страх сковывал горло, хотелось провалиться сквозь пол, исчезнуть. Но где-то глубоко внутри, под слоями стыда и унижения, вспыхнула искра профессиональной гордости. Я помнила этот случай. Помнила каждый нюанс.

— Мезентериальный тромбоз, — сказала я. Голос звучал тихо, хрипло.

Артем прищурился.

— Обоснование?

Я вдохнула. Выдохнула. Слова полились сами собой, сухие, точные, как скальпель.

— Боль диспропорциональна объективным данным. Отсутствие защитного напряжения мышц при наличии интенсивных болей. Особенно важно проверить анамнез аритмии. Пропустив этот диагноз, мы потеряем часы жизни пациента.

Закончив, я замолчала. Руки дрожали, поэтому я зажала их между коленями.

Профессор открыл рот, чтобы сказать что-то, но Артем перебил его лёгким движением руки. Он кивнул. Медленно. Одобрительно? Или насмешливо?

— Верно, — сказал Артем. Пауза затянулась. — Но ты не

в команде. Молчи.

Коротко. Сухо. Как дверь захлопнулась. Он использовал мои знания, чтобы подчеркнуть моё положение. Я была права, но это ничего не значило. Для него я была функцией, которую можно включить, чтобы проверить систему, а затем выключить обратно.

Я опустила голову, глядя в свои руки. Красные пятна на костяшках от сжатого карандаша. «Я справилась. Почему мне так больно?»

Звонок с восьмого этажа разогнал аудиторию. Поток студентов хлынул в коридор, и меня вынесло вместе с ними — прочь из душного зала, к лифтам медицинского центра.

Группа и впрямь собралась в коридоре медицинского центра. Это была формальность, ритуал власти.

— Нам нужен план подготовки, — объявил один из парней, держащий блокнот. — Разделим темы. Вера, ты возьмешь на себя теоретическую часть?

Я шагнула вперед, чувствуя надежду. Может быть, сейчас всё изменится? Может быть, мой ответ на лекции показал им, что я полезна?

— Я могу составить конспект по всем модулям за три дня, — быстро сказала я. — Если вы дадите мне список приоритетных тем, я...

— Слушай, Вера, — перебил парень, не поднимая глаз. — Давай честно. Тебе лучше готовиться самостоятельно.

— Почему? — вопрос вырвался сам собой.

— Потому что бюджетницам не стоит тянуть команду вниз, — другой голос добавил язвительности. — У тебя проблемы с дисциплиной. С рейтингом. Лучше не смешивать нас с тобой. Экзамен общий, но ответственность разная.

Они отвернулись. Начали обсуждать что-то своё, смеяться над шуткой Полины. Меня просто... удалили из контекста. Социальное исключение стало профессиональным саботированием. Им не нужна была моя помощь. Им нужна была моя пустота, чтобы заполнить её своим статусом.

Я стояла среди них, лишняя деталь в чужом механизме. Конспекты в руках казались кирпичами. Тяжелыми, бесполезными кирпичами.

Развернувшись, я вышла из толпы. Не хлопнула дверью. Не оглянулась. Просто прошла мимо них к открытому окну в конце коридора. Сквозняк гулял по их спинам. Пусть работают одни. Пусть узнают цену своего снобизма, когда останутся без того, кто видит корни проблем.

День сполз к вечеру незаметно. Лекции сменились практикой, практика — тишиной: однокурсники ушли готовиться втихомолку, каждый сам за себя, и когда я наконец выбралась из корпуса, за окнами уже горели фонари.

Коридоры университета были пусты. Поздний вечер, фонари за окнами горели тускло. Я шла к общежитию, механически перебирая ногами. Холодный воздух бил в лицо, очищая разум.

На третьем этаже, у лифта, я столкнулась с человеком. Вы-

соким, в дорогом пальто. Ректор. Отец Артема.

Он остановился. Я тоже. Замерла, ожидая удара.

— Вера Ковалёва? — его голос был бархатным, обманчиво теплым.

— Здравствуйте, Иван Петрович, — я постаралась говорить вежливо, дистанцированно. Никаких эмоций. Никаких оправданий.

Он осмотрел меня сверху вниз. Взгляд был цепким, изучающим. Не враждебным, но оценивающим товар.

— Слышал, у вас были... сложности на дежурстве.

— Я учусь на своих ошибках, — ответила я.

— Такие ошибки могут стоить лицензии, Вера, — он сделал шаг ближе. Пахло от него табаком и старыми книгами. — Вы понимаете, что система работает иначе, чем вы думаете? Здесь важны не только знания. Важна лояльность.

Это была угроза. Замаскированная под совет. Он проверял, сломаюсь ли я под давлением вершины власти.

— Я понимаю, что справедливость здесь — понятие относительное, — сказала я, глядя ему в глаза. — Но я не совершала ошибок. И не буду просить прощения за то, чего не делала.

Ректор усмехнулся. Коротко, сухо.

— Целеустремленность похвальна. Но иногда она становится манией величия. Берегите себя, студентка.

Он нажал кнопку вызова лифта. Двери раскрылись, выпуская внутрь тёплый свет. Он вошёл, не оглянувшись.

Я осталась стоять, чувствуя себя маленькой фигуркой на огромной шахматной доске.

Лифт ушёл вниз без меня; я спустилась по лестнице, перебирая пролёты и повторяя себе, что до дома — два квартала. Всего два квартала вечерней улицы, и можно будет закрыться на ключ.

Общежитие встретило меня гулом вентиляций и запахом вареной картошки. Коридор второго этажа был тускло освещен одной лампочкой, мигающей с раздражающим ритмом.

Я подошла к своей двери. Номер 214. Моя крепость. Моё единственное убежище.

Вставила ключ. Повернула. Замок не поддался.

Попробовала снова. Нажала сильнее. Щелчок. Пустота. Дверь не открылась.

— Что за чёрт... — пробормотала я.

В соседней комнате приоткрылась дверь. Администратор, женщина лет пятидесяти с уставшим лицом, выглянула.

— Ковалёва? — спросила она.

— Да. Мой ключ не работает.

Она вздохнула, потирая виски.

— Комната перепланирована. Из-за жалоб соседей. Шум, нарушение режима...

— Какого шума?! — возмутилась я. — Я тут одна! Никого не было!

— Решение куратора потока, — отрезала администратор, закрывая дверь. — Артем Воронин подписал бумагу. Ваша

комната занята другой группой. Ищите другое место.

Мир качнулся. Куратор потока. Артем.

Он не просто презирал меня. Он методично, шаг за шагом, разрушал мою жизнь. Сначала репутация. Потом статус. Теперь базовая безопасность. Дом.

Я стояла в темном коридоре, с сумкой на плече, в которой было всё, что у меня осталось: телефон, зарядка, немного еды. Ветер из окна гулял по полу, поднимая пыль.

Слезы не пришли. Внутри было пусто и холодно, как в морге. Яркость чувств сменилась ледяной ясностью.

Я достала телефон. Экран засветился в полутьме, отражая мое бледное, искаженное лицо. Черные круги под глазами, сжатые губы.

Открыла мессенджер. Нашла контакт «Артем». Вчера он велел явиться в шесть. Я так и не пришла: после его ультиматума не могла заставить себя снова подойти к операционному блоку. Теперь я набрала сообщение. Пальцы не дрожали.

«Где мои вещи?»

Отправлено.

Ответ пришел мгновенно. Будто он ждал этого сообщения, сидя в темноте своего кабинета.

«У меня. Приходи за ними. Один раз. Без свидетелей.»

Экран телефона погас, оставляя меня в полной темноте коридора. Отражение исчезло. Осталась только я. И вызов.

Это была не просьба. Это была сделка с дьяволом. И я готова была принять его условия, даже если они означали

конец всему.

Глава 4

Архив медицинской библиотеки пах плесенью и старой бумагой. Здесь не было окон, только тусклые лампы под потолком, которые гудели как мухи перед смертью. Я стояла у стеллажа с томами за 1980-е годы, чувствуя, как холод пробивает тонкую ткань моей единственной куртки. Пальцы дрожали — не от холода, а от ярости. Здесь Артем назначил встречу. У его ног стояли две сумки: мои вещи из комнаты и рюкзак из шкафчика. Увидев их, я положила рядом его телефон. Вчерашний ультиматум всё ещё светился на экране; номер для связи я уже переписала в свой аппарат.

«Подпиши».

Слово повисло в воздухе тяжелым камнем. Артем сидел на стопке картотечных ящиков, крутя в руках ручку. Он выглядел так, будто прибыл сюда из другого мира, где чистота стерилизации заменяет совесть. Его халат был безупречен, ни одной складки. Мой же пах дешевым кофе и страхом.

— Нет, — сказала я. Голос сорвался, но я заставила его звучать твердо.

Артем усмехнулся. Этот звук царапнул по нервам хуже скрежета мела по доске.

— Ты забыла своё место, Вера. Ты не студентка. Ты никто. Бюджетница без стипендии, которой даже ключ от общежития уже не подходит. Подписывай договор о конфиден-

циальности и доступе к твоим данным. Пароли, переписки, геолокация. Всё.

— Это капитуляция, — прошипела я, прижимаясь спиной к полке. Книги впивались в лопатки. — Вы хотите превратить меня в раба.

— Я хочу, чтобы ты выжила, — он встал. Тень от его фигуры легла на мои ноги, длинная и властная. — Или предпочитаешь ночевать на вокзале? Выбор за тобой. Могу вернуть тебе комнату до конца недели. Если подпишешь.

Мой желудок сжался в тугой узел. Угроза была реальной. Без места проживания меня могли просто выставить за дверь, и тогда конец учёбе, мечтам, всему. Но отдать ключи от своей цифровой жизни означало потерять последнюю ниточку контроля. Я смотрела на него, пытаюсь найти в этих серых глазах хотя бы искру человечности. Напрасно. Там был только расчет.

Он достал из кармана планшет и бросил его на стол между нами. Экран засветился синевой.

— Ладно, раз ты такая принципиальная, давай посмотрим, чего ты стоишь. Редкий случай. Пациент с атипичной лихорадкой. Диагноз должен быть готов через шесть часов. Результат — мой. Имя автора — тоже моё.

Я схватила планшет. Данные были неполными, фрагментарными, как пазл, который кто-то специально сломал.

— Это не помощь, это эксплуатация, — я вернула ему устройство. — Мне нужен доступ к операционным журна-

лам. Чтобы учиться. Чтобы понимать, где я ошибаюсь.

Артем рассмеялся. Коротко, сухо.

— Тебя даже в ординаторскую не пустят после двадцати двух без моего пропуска. А журналы? Забудь. Ты будешь требовать доступ, когда тебя вычеркнули из списков практической группы?

В этот момент дверь архива скрипнула. Высокий каблук ударил по паркету. Полина. Она вошла, словно хозяйка, оглядываясь вокруг с брезгливой миной. Её волосы лежали идеальной волной, аромат дорогих духов заглушил запахи плесени.

— Артём, я искала тебя, — она улыбнулась ему, игнорируя меня полностью. — Ужин в «Веранде» уже забронирован. Ты обещал...

Её взгляд скользнул на меня, и улыбка превратилась в оскал.

— О, боже. Вера. Что ты здесь делаешь? Ты пахнешь дешевым кофе и поражением. Это почти трогательно.

Кровь ударила мне в лицо. Хотелось ответить колкостью, сказать, что её место в рейтинге куплено так же дешево, как моя гордость, но слова застряли в горле. Я была изгоем. Изгои молчат.

— Уйди, Полина, — голос Артема был тихим, но в нём звенела сталь.

Полина моргнула, сбившись с ритма.

— Что? Мы же договаривались...

— Я сказал: уйди. Сейчас.

Она открыла рот, чтобы возразить, посмотрела на меня с презрением, затем на Артема с недоумением и развернулась на каблуках. Дверь хлопнула. Тишина, которая последовала, была оглушающей.

Артем медленно повернулся ко мне. В его глазах не было триумфа. Было что-то другое. Тяжелое.

— Теперь мы одни. И да, компромисс есть.

Он подошел ближе, сокращая дистанцию до опасного минимума. Я чувствовала тепло его тела, несмотря на холод комнаты.

— Ты работаешь по ночам. В закрытом крыле хирургии. Официально оно на ремонте. Никто не видит, никто не знает. Ты решаешь кейсы, я забираю славу. Но взамен...

Он протянул руку. На ладони лежал предмет, который я считала потерянным навсегда. Мой старый стетоскоп. Потертый, с чуть потемневшей резиновой трубкой. Тот, который я забыла в аудитории после того позорного дежурства.

— Это символ твоего профессионализма, Вера, — произнес он мягко, почти нежно. — Но ценой полной зависимости от меня. Если ты выйдешь из тени раньше времени, ты исчезнешь. Навсегда. Согласна?

Я взяла стетоскоп. Металл был теплым от его рук. Внутри трубки что-то щелкнуло. Не воздух. Механизм.

Я поднесла мембрану к уху. Тихий писк микрофона. Жу-чок.

Ярость вспыхнула белым пламенем.

— Ты слушаешь меня? Каждый вздох? Каждую мысль? —
я швырнула стетоскоп обратно на стол. Звук был глухим. —
Это предательство! Сделка расторгнута!

Артем не двинулся с места. Он лишь поднял бровь.

— Подумай ещё раз. Зачем мне слушать тебя?

— Потому что ты садист!

— Потому что ты гений, которого не умеют контролировать, — он шагнул к столу и спокойно объяснил, указывая пальцем на крошечное отверстие в трубке. — Это страховка. Для тебя. Если пациент умрет по твоему диагнозу, эта запись докажет, что решение принимал я. Что я настоял. Что я нес ответственность. Слежка — это твой щит, Вера. Хочешь жить в мире, где за каждое слово убивают? Или хочешь иметь право на ошибку?

Я замерла. Логика переворачивалась вверх дном. Он не шпионил против меня. Он создавал алиби. Защитный панцирь из лжи и манипуляции.

— Ты извращенец, — прошептала я.

— Я прагматик. Бери стетоскоп. Или ищи ночлег на улице.

Я взяла его. Руки дрожали, но теперь от чего-то иного. От страха перед собственным выбором.

Договор о паролях я отодвинула.

— Только рабочая связь. Личные аккаунты тебе не принадлежат.

Артем пожевал щёку, затем вычеркнул пункт и придвинул мне новый ключ от временной комнаты в общежитии.

— Вещи заберёшь после разбора. И не путай это с победой.

— Тогда и ты не путай меня со своей вещью.

Мы перешли в закрытое крыло. Коридор был темным, аварийные лампы освещали путь красным светом. Воздух здесь был спёртым, пахло дезинфекцией и чем-то сладковатым — разложением старых материалов. Ординаторская была завалена коробками, но посередине стоял единственный чистый стол.

На нем лежала карта пациента. Атипичная лихорадка. Сыпь, судороги, отказ почек. Протоколы требовали антибиотиков широкого спектра. Мои инстинкты кричали о другом.

Началась первая ночь.

— Опять неверно, — голос Артема раздавался из динамиков в стенах. Он наблюдал за мной через камеру? Или просто сидел в соседней комнате? — Ты теряешь время на палпацию. Думай быстрее.

Я игнорировала его. Концентрация сужалась до точки. Пальцы скользили по виртуальному изображению живота пациента на мониторе. Я представляла тело, ткани, реакции. Тишина стала моим оружием. Чем громче он критиковал, тем глубже я уходила внутрь себя.

— Ты ничего не понимаешь, Вера. Это обычная инфекция.

— Нет, — ответила я сама себе, не поднимая глаз от экрана. — Посмотри на локализацию сыпи. На скорость развития почечной недостаточности. Это аутоиммунный процесс. Системный васкулит. Антибиотики добьют её. Нужны гормоны. Высокие дозы. Срочно.

Тишина. Долгая, тягучая тишина.

Затем я услышала шаги. Дверь открылась. Артем вошел в комнату. Он выглядел уставшим: тени под глазами, расстёгнутый ворот рубашки. Он подошел к столу, взял черновик с моим анализом. Прочитал. Лицо его оставалось непроницаемым.

Он порвал листок. Медленно, аккуратно, на мелкие кусочки.

Сердце ушло в пятки. Предательство. Ожидание стало реальностью.

Но вместо того, чтобы выбросить обрывки в урну, он достал новый лист бумаги. И начал писать. Своим почерком. Аккуратно, красиво.

Заголовки. Диагноз. План лечения.

— Ты присвоишь это, — сказала я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Да, — не поднимая головы, ответил он. — Как договаривались.

Когда он закончил, он сложил лист пополам и положил передо мной. Затем посмотрел мне прямо в глаза. В них не было торжества победителя. Была странная, болезненная смесь

уважения и вины.

— Спасибо, — прошептал он так тихо, что я едва расслышала. — Ты была права.

Это не было прощением. Это было признание силы. Признание того, что я нужна ему больше, чем он хотел признаваться.

Он развернулся и вышел, не дожидаясь ответа. Дверь закрылась за ним с мягким щелчком.

Я осталась одна в красном свете аварийных ламп. Голова гудела от напряжения. Пальцы ныли. Я машинально собрала свои вещи, проверяя карманы.

И замерла.

На столе рядом со стетоскопом лежал сложенный вдвое чек из ресторана — из «Веранды», куда Полина хотела его затащить.

Я развернула его. Дата. Время. Сегодняшний вечер. Сумма. Заказ.

Стейк из лосося. Белый рис. Салат «Афины». Кофе эспresso.

Внизу мелким, почти неразборчивым шрифтом, добавленная строчка:

«Ужин был для тебя. Я не ем один».

Я смотрела на чек. Потом на дверь, за которой исчез капитан академии, мой палач и мой спаситель. В животе заурчало. Пустой, голодный зверь проснулся там, где месяц назад жила только тревога.

Впервые за долгое время я почувствовала не страх перед будущим. Я почувствовала голод. Голод не по еде. По тому, чтобы доказать ему, кто здесь настоящий хозяин положения. Даже если для этого нужно играть по его правилам.

Глава 5

Свет в кабинете наблюдения был тусклым, но экраны горели нестерпимо ярко. Я сидела на жестком стуле, прижав наушник к уху так, будто он мог впасть в черепную коробку. Я устроилась за непрозрачной перегородкой у бокового монитора: из двери видны были только окно и общий пульт. По ту сторону стекла, в стерильном аду операционной №3, стоял Артем Воронин. Рядом работал старший хирург, которому Артем ассистировал; все мои подсказки он обязан был передавать ему. Руки Артема — длинные, бледные, с идеально подстриженными ногтями — висели над животом пациента, словно хищные птицы, готовые к броску.

— Вера, я вижу ткани, — его голос в наушнике был ледяным, лишенным эмоций. — Не диктуй мне то, что я и так знаю. Держись протокола.

Протокол. Удобное слово для тех, кто боится думать самостоятельно. Пациентом был сенатор Ковалев, и декан факультета уже ждал за дверью с шампанским. Артем хотел блеснуть. Он хотел показать всем, что сын ректора не просто носит белый халат по наследству. Но я видела то, чего он не видел: микроскопическое дрожание его левой кисти. Усталость? Или страх?

— Артериальное давление падает, — сказала я ровно, игнорируя его пренебрежение. — ЧСС сто двадцать. Ты идешь

по нижней доле печени, там спайки после старой травмы. Если ты разрежешь их стандартным способом, ты вскрыешь ветвь воротной вены. Это смерть через три минуты.

Тишина. Только гул вентиляции и ритмичный писк монитора.

— Ты сомневаешься в моей квалификации? — спросил он тихо, опасно.

— Я сомневаюсь в твоём эго, если оно мешает тебе спасти жизнь ради аплодисментов. Отступай от края разреза на два сантиметра влево. Иначе я выхожу из связи. Прямо сейчас.

Я почувствовала, как напряглись его плечи за стеклом. Это была проверка. Жесткая, грязная игра на грани фола. Если бы он проигнорировал меня снова, пациент умер бы у него на руках, и его репутация рухнула бы вместе с ним. Если бы он послушался — он признал бы мое превосходство.

Он вздохнул. Звук был отчетливым даже сквозь микрофон. Артем указал старшему на спайку. После короткой проверки лезвие скальпеля сместилось влево.

В этот момент дверь кабинета наблюдения распахнулась. Вошла Полина. Она пахла дорогими духами и неприятной уверенностью. На подносе у неё были чашки кофе, которые она несла с демонстративной легкостью, но её глаза сканировали экраны, ловя малейшую странность в действиях Артема.

— Артем, ты такой собранный сегодня, — мурлыкнула она, подходя к окну. — Обычно ты нервничаешь перед та-

кими операциями. Может, нужен перерыв?

Она потянулась к панели управления освещением, «случайно» задев край стола. Кофе в чашке качнулся. Опасно близко к клавиатуре и проводам. Если они замкнут связь, Артем останется один на один с хаосом. А хаос — это его враг.

Я быстро открыла звуковой тест пульта, доступ к которому мне дал Артем в рамках нашей сделки. Щелчок мыши. Громкий басовый гул, имитирующий сбой компрессора, ударил из динамиков операционной. Персонал вздрогнул. Артем инстинктивно обернулся на источник звука, нарушая стерильную зону внимания.

— Что происходит? — рявкнул он в микрофон, обращаясь к медсестре снаружи. — Проверьте вентиляцию! Немедленно!

Полина замерла, её рука с чашкой зависла в воздухе. Она поняла, что её попытка создать прецедент сорвалась. Артем, раздражённый шумом, рявкнул в микрофон, обращаясь к Полине и дежурной у двери кабинета наблюдения:

— Вон отсюда, Полина. Твой парфюм убивает бактерий лучше, чем антибиотик. Но здесь не место для твоих игр.

Дежурная вывела Полину за дверь. Я отключила шум, пока она не опомнилась и не добралась до проводов. Тишина стала звенящей.

— Спасибо, — сказал Артем, и в его голосе впервые прорезалась нотка уважения, смешанного с злостью. — Теперь

о печеночной артерии.

Мы шли шаг за шагом. Мои подсказки становились всё более рискованными. Мы выходили за рамки учебников. Я чувствовала себя дирижером оркестра, где каждый инструмент — это риск смерти. Пот тек по спине, несмотря на кондиционер. Я не ела со вчерашнего дня, но голод был меньше страха ошибиться.

И тут монитор взвыл.

Не ровный писк, а истеричный вой. Давление сенатора обрушилось до критических цифр. Сатурация кислорода падала лавинообразно.

— Анафилактический шок? — крикнул Артем, его руки замерли в воздухе. Паника. Он потерял контроль. Стандартные дозы эпинефрина не давали эффекта. Он смотрел на монитор, как кролик на удава.

— Не гадай, — мой голос дрогнул, но я заставила его быть стальным. — Проверьте препарат, который ввели последним. «Гипнован». На упаковке партия, которую отозвали вчера; уведомление висит на открытом сайте поставщика. В журнале закупок одна цифра перепутана. Здесь его вообще не должно было быть.

— Что делать? — спросил он. Впервые я слышала в его голосе не приказ, а просьбу. Ребенка, потерявшегося в темноте.

— Передай это анестезиологу и убери остаток препарата с линии. Упаковку сохрани. Не давай им списать всё на па-

циента. За эту партию здесь кого-то уволят.

Пауза. Секунда вечности.

— Я верю тебе, — сказал Артем.

Он позвал анестезиолога, показал упаковку и повторил номер отозванной партии. Старший распорядился заменить препарат; бригада продолжала бороться с шоком. Монитор продолжал выть. Потом... пауза. Ритм стал ровнее. Сатурация поползла вверх. Медленно, как ползущий танк, но вверх.

Когда мы закончили, я откинулась на спинку стула и едва не потеряла сознание. Руки тряслись так сильно, что я не могла снять наушник.

Через десять минут в кабинет вошел Артем. Халат был снят, рубашка расстегнута на две пуговицы выше нормы. Лицо каменное, но глаза горели лихорадочным блеском.

— Ты чуть не угробила мою карьеру, — произнес он вместо приветствия. Его шаги гулко отдавались в пустой комнате. — Этот эксперимент... Если бы пациент умер, меня бы засудили. А тебя — посадили.

— Но он жив, — ответила я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все сжималось от страха. — И ты тоже жив. Твоя репутация целая. Потому что ты сделал то, что нужно.

— Ты знала про партию анестетика, — он навис надо мной, его тень накрыла весь стол. — Откуда? Ты студентка на практике, бюджетница. У тебя нет доступа к внутренним базам данных клиники уровня А.

— Я сопоставила упаковку с открытым уведомлением по-

ставщика, — я подняла глаза, встречая его взгляд. — И я помню, что обещано в сделке. Доступ к архиву старых дел. За мою помощь.

Артем усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Завтра будет сложный случай. Ортогнатическая хирургия. Риск ошибки выше. Если справишься, я подпишу допуск лично. Не секретарю. Мне.

— Хорошо, — сказала я. — Но если я справлюсь, ты должен назвать вещи своими именами. Я не твой помощник. Я диагност.

Он молча развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Ночь я провела в общежитии, которое мне предоставили временно, как «подопытному кролику». Когда я вернулась туда около двух ночи, дверь была приоткрыта. Сердце пропустило удар. Я толкнула её ногой, готовясь к худшему.

Глава 6

Комната выглядела так, будто по ней прошел ураган. Книжки валялись на полу, постельное белье смято, ящик комода выдернут и брошен в угол. Мой ноутбук лежал открытым на столе. Экран светился синим. Кто-то рылся в моих файлах. Полина. Она начала копать под «невидимый мозг» Артема. Страх парализовал ноги, но потом включился холодный расчет. Они искали доказательства того, что я помогала Артему. Но они не найдут ничего, кроме следов моего анализа оборудования, которое я заметила во время операции.

Я села за ноутбук. Пальцы летали по клавиатуре быстрее, чем мысли. Я написала анонимный отчет об инциденте с бракованным анестетиком и ложным сигналом пульта, который включила сама, чтобы отвести Полину от проводов. Время теста я указала честно: приписать ей ещё и это означало бы изготовить новый подлог. В отчете я аккуратно указала на ошибки в обслуживании, которые могли привести к катастрофе. Оригинал отправила в службу безопасности клиники от имени «заботливого студента». Копию сохранила в защищенной папке. Страховка. Оружие.

Утром Артем вызвал меня к себе. Его кабинет пах свежим кофе и напряжением. На столе лежала распечатка моего ночного отчета. Он взял листок, посмотрел на меня и медленно порвал бумагу на мелкие клочки.

— Ты играешь в свою игру, Вера, — сказал он, но без гнева. Скорее с любопытством. — Ты не просто исполнитель. Ты стратег. Ты создала проблему, чтобы показать, что система сломана, и предложила решение, не спрашивая разрешения.

— Система действительно сломана, — ответила я. — И я спасла её от краха ночью. Так же, как вчера спасла пациента.

Артем долго смотрел на меня. В его глазах читалась борьба: желание контролировать и осознание того, что без меня он сломается. Он понял, что я не пешка. Я — партнер в преступлении.

Он достал из ящика пластиковую карту с золотым чипом. Положил на стол и придвинул ко мне.

— Архив открывается в шесть утра. Ключ-карта работает только с твоего биометрического профиля. Если ты попытаешься скопировать данные или поделиться ими, карта деактивируется, и ты будешь исключена навсегда.

— Почему ты доверяешь мне? — спросила я, беря карту. Она была теплой.

— Потому что ты единственная, кто видит хаос так же ясно, как я. И потому что ты слишком умна, чтобы быть предательницей.

Я повернулась, чтобы уйти.

— Вера, — окликнул он. Я остановилась. — Ты права. Ты не помощник. Ты диагност.

Он сказал это сам. Не в наушник, не для отчёта — мне.

Я сжала карту так, что край впился в ладонь. Наконец-то за мою работу заплатили доступом, а не очередной угрозой. Артем не просто садист. Он человек, который задыхается в мире, где правила важнее жизни. Ему нужна моя правда, так же как мне нужна его защита. Мы связаны не страхом, а взаимной зависимостью от порядка.

На следующее утро, в шесть, я стояла перед массивными стальными дверями архива. Карта пискнула, двери разъехались в стороны, выпуская запах пыли и бумаги десятилетней давности. Холодный воздух обдал лицо. Я прошла между стеллажами, пальцы скользили по корешкам папок, ища нужное имя.

«Клиническое испытание препарата "Нейро-С"».

Мои руки нашли папку. Толстую, перевязанную красной лентой. Название проекта было набрано жирным шрифтом. Руководитель проекта: И. Воронин.

Сердце заколотилось так, что заглушило гул вентиляции. И. Воронин. Отец Артема. Дома его имя произносили, когда вспоминали увольнение мамы. До сих пор у меня были только рассказы отца. Теперь я держала первый документ с обеими фамилиями.

Я открыла папку. Первая страница содержала список участников исследования. Моё имя не было там. Но было другое. Имя моей матери. Рядом — её подпись и красная помета: «Отстранена».

Я закрыла папку, вернула её на место и вышла из архи-

ва мимо дремлющего библиотекаря. День выдался длинным: утром — ключ-карта, днём — мамино имя под грифом. Но ночь обещала быть длиннее.

Одиннадцать вечера. Пять минут до того, как меня вышибут из системы за взлом сервера академии.

Я сижу в темноте ординаторской, только экран ноутбука Артема светит мне в лицо синим мертвым светом. Мои пальцы дрожат — не от холода, а от адреналина. Вера, двадцать лет, бюджетница, гений-диагност с трясущимися руками и полным отсутствием будущего. Я знаю его пароль. «Chirurgеon2024». Примитивно. Нарциссично. Идеально для человека, который считает себя богом на операционном столе.

Мне нужно найти ошибку. Просто одну маленькую, незаметную оплошность в истории болезни пациента № 8712. Редкий аутоиммунный васкулит. Артем прооперировал его вчера, уверенный в своей правоте, и теперь требует от меня «технической поддержки», чтобы скрыть свою же тупость. Если я найду, где он свернул не туда, у меня будет рычаг. Не оружие. Щит.

Система блокирует запросы на уровне «старший врач». Красные окошки вспыхивают перед глазами, как предупреждения о раке. «Доступ запрещен.»

— Да пошла ты, — шепчу я в пустоту, чувствуя вкус металла во рту.

Я не сдаюсь. Я использую логин Артема. Это киберпре-

ступление. За это отчисляют мгновенно, без апелляции. Но страх быть пойманной сейчас слабее страха потерять контроль над собственной жизнью. Я переступаю черту честности, и мир вокруг становится серым, плоским. Как будто кто-то выключил цвет.

Внезапно свет мигает. Дверь скрипит.

Он стоит в проеме. Высокий, в белом халате, который сидит на нем как вторая кожа. Волосы влажные после душа, запах дорогого парфюма смешивается с антисептиком. Артем смотрит на меня так, будто видит таракана на кухонном столе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.